

Историческія драмы Ибсена.

Годы перелома (1895--1906). Сборникъ критическихъ статей.

Книгоиздательство "Міръ Божій", Спб., 1908

[OCR Бычков М. Н.](#)

Вышедшій недавно третій томъ произведеній Ибсена заключаетъ его историческія драмы, въ которыхъ Ибсенъ выступаетъ преимущественно какъ національный поэтъ. Древній духъ нормановъ проникаетъ эти драмы, оживаетъ въ нихъ и увлекаетъ читателя, изумленнаго красотою и возвышенностью народнаго духа, способнаго создать такіе образы. Ихъ могъ создать только сильный и гордый народъ, съ богатымъ прошлымъ и много общающимся будущимъ. Тѣсно такому народу въ маленькой Норвегіи, какъ было тѣсно духу Эллады въ еще меньшей Греціи. Теперь прошли давно времена дикихъ викинговъ, завоевывавшихъ мечомъ невѣдомые края, и не мечъ рѣшаетъ теперь дѣла, нанося пораженія и одерживая побѣды. Норманская сила духа, выражавшаяся прежде въ стремительности нападенія, котораго не могли выдерживать ни саксы, ни франки, теперь увлекаетъ за собой человѣчество отъ житейской пошлости, дрязгъ, мелочной борьбы личныхъ интересовъ на вершины идеала, гдѣ холодъ сковываетъ души, но дѣлаетъ ихъ неуязвимыми тлѣнью.

Есть два міровоззрѣнія. Одно изъ нихъ завѣщено Элладой, полное радости, свѣта, тепла и любви. У Достоевскаго, въ "Подросткѣ", есть чудное мѣсто, картина этого міровоззрѣнія. "Мнѣ снилось -- уголокъ Архипелага, причемъ и время какъ бы перешло за три тысячи лѣтъ назадъ; голубыя, ласковыя волны, острова и скалы, цвѣтущее побережье, волшебная панорама вдали, заходящее зовущее солнце -- словами не передашь. Тутъ запомнило свою колыбель европейское человѣчество... здѣсь былъ земной рай человѣчества: боги сходили съ небесъ и роднились съ людьми... О, тутъ жили прекрасные люди! Они вставали и засыпали счастливые и невинные, луга и рощи наполнялись ихъ пѣснями и веселыми криками; великій избытокъ непочатыхъ силъ уходилъ въ любовь и въ простодушную радость. Солнце обливало ихъ тепломъ и свѣтомъ, радуясь на своихъ дѣтей... Чудный сонъ, высокое заблужденіе человѣчества! Золотой вѣкъ -- мечта самая невѣроятная изъ всѣхъ, какія были, но за которую люди отдавали всю жизнь и всѣ свои силы, для которой умирали и убивались пророки, безъ которой народы не хотятъ жить и не могутъ даже умереть!" Это былъ сонъ, хотя и чудный, но все же сонъ, и кто разъ проснулся, уже не могъ бы вернуться, не захотѣлъ бы вернуться къ нему. Есть нѣчто высшее, болѣе обаятельное, чѣмъ самые чудные сны, -- это борьба. Упоеніе борьбы -- таково второе міровоззрѣніе, возникшее на сѣверѣ, гдѣ "каждая зима подобна длинной, темной ночи", какъ говоритъ Йордисъ, героиня лучшей исторической драмы Ибсена "Сѣверные богатыри". Въ ея уста Ибсенъ вкладываетъ опредѣленіе этого упоенія борьбой, борьбой не во имя той или иной цѣли, а ради именно одного упоенія. Йордисъ сильная, гордая женщина, жена слабаго, добродушнаго Гуннара, типичнаго представителя золотой середины, одного изъ тѣхъ вѣковѣчныхъ типовъ, которые и добры въ мѣру, и злы въ мѣру. Онъ получилъ ее обманомъ. Его другъ герой Сигурдъ, храбрѣйшій изъ храбрыхъ, великодушный, какъ истинно сильный человѣкъ, отдаетъ ее другу, зная его любовь въ ней и самъ любя ее, и дѣлаетъ грубую, но неизбѣжную фатальную ошибку. Его любовь къ ней велика и безгранична, какъ и его сердце, а любовь Гуннара онъ измѣняетъ своею любовью. Такъ всегда поступаютъ великодушные люди, слишкомъ простые, чтобы употреблять иную мѣрку, кромѣ своего сердца. Подъ видомъ Гуннара пробирается онъ къ Йордисъ и убиваетъ сторожившаго ея медвѣдя. Йордисъ думаетъ, что Гуннаръ совершилъ этотъ подвигъ, передъ которымъ отступали самые сильные и смѣлые, и въ восторгѣ выходитъ за него замужъ, думая, что Гуннаръ и есть самый гордый и смѣлый викингъ, съ которымъ ей предстоитъ жизнь морской царицы, жизнь полная борьбы, неудержимаго стремленія впередъ. А вмѣсто того, ей выпадаетъ на долю жизнь скромная и тихая, "быть женой и только женой, сидѣть дома, прясть и ткать для мужа, и рожать дѣтей... Какой позоръ!" -- восклицаетъ Йордисъ. И это ей? "Скажи мнѣ, -- спрашиваетъ она жену Сигурда, кроткую и тихую Дагни, -- когда ты странствовала съ Сигурдомъ и слышала звонъ мечей во время боя и когда кровь лилась потоками, -- не чувствовала ты неодолимаго желанія броситься въ бой? Не надѣвала броню, не брала оружія въ руки?" -- Она томится и мучится. "Мнѣ должна была выпасть на долю веселая жизнь викинга; было бы лучше для меня и, быть можетъ, для насъ всѣхъ. То жизнь, полная, счастливая!.. Не странно ли тебѣ видѣть меня живущею здѣсь? Не